Общероссийский Монархический Фронт

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires Argentina

"NUESTRO PAIS"
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Correo Argentino Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXX Buenos Aires, martes 8 de Noviembre de 1977 • Буэнос Айрес, вторник 8 ноября 1977 г. № 1445

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

ЧЕТЫРЕ ЭМИГРАЦИИ

ПЕРВАЯ

После открытия «окна в Европу» высшие круги Петровской и послепетровской России стали осваивать иностранные языки, что позволяло им в подлинниках знакомиться с иностранной литературой, которая вела тогда психологическую подготовку на предмет разрушения престолов и алтарей.

Пребывание русской армии в Западной Европе во время наполеоновских войн дало возможность представителям русского высшего общества войти в непосредственный контакт с прогрессивными элементами творцов «Великой Французской Революции», начавшейся в 1789 году. Результат вскоре оказался налицо в виде брошенного лозунга — «Долой самодержавие!».

Русский народ под водительством самодержавных царей и императоров создал Великую Российскую Империю. Отрицанием самодержавия было отвергнуто и тысячелетнее историческое прошлое национальной России. Декабристы «оформили» эту задачу приступив 14-го декабря 1825 года к физическому истреблению всей Царской Семьи. Они потерпели неудачу, но их дело не пропало даром, как это определил Ленин, и последователи этих потенциальных цареубийц, не переведясь до 1917 года, закончили его цареубийством в Екатеринбурге в июле 1918 года.

Представителями так называемого «Освободительного Движения» самодержавие было атаковано лживой пропагандой и террором: убивали от постового городового до императора. Очень знаменательно, что тогдашние прогрессивные слои русского общества не признавали за самодержавием права защищаться. Но оно все же кое-как защищалось и убийц вешали или отправляли на каторгу. Авторам литературы подстрекавшей к убийствам и грабежам и самим террористам-бомбометателям приходилось бежать заграницу спасаясь от карательных мер. Так произошла **первая эмиграция.** Многие представители ее вернулись через Германию, ведшую войну против России, в запломбированных вагонах с разрешения Керенского в начале 1917 года.

Но были в те дореволюционные времена и **соглашатели** с самодержавием, как их называли бомбометатели, партия К.Д. (ка дет) — Конституционных Демократов, поставившая своей целью не свергать царский строй, но по западноевропейским образцам путем эволюции превратить самодержавного монарха в конституционного, т. е. царствующего, но не управляющего.

ВТОРАЯ

Когда люди запломбированных вагонов, захватив власть в октябре 1917 года осуществили Великую Октябрьскую Пугачевщину, субсидированные немецким генеральным штабом, то лучшие сыны России оказали этим изуверам, типа «бесов» Достоевского, вооруженное сопротивление, создав Белые армии на окраинах России. Борьба продолжалась около трех лет под лозунгом: «Долой большевиков!». Потерпев поражение белогвардейцам пришлось с боем покинуть пределы России. Под прикрытием белогвардейских штыков удалось спастись и многочисленным прогрессивным российским элементам, не принимавшим участия в борьбе. Так образовалась двоякая эмиграция 20 х годов: национальная и космополитно-масонская. В идеологической борьбе заграницей национальная эмиграция вновь потерпела поражение и вся ведущая роль эмиграции оказалась, и остается по сей день, в руках прогрессивных элементов. Они вскоре повели пропаганду о «засыпании рвов» между большевиками и эмиграцией, т. е. тенденцию к **соглашательству** по принципу, что у прогрессистов политический враг всегда направо, в данном случае национальная, белогвардейская часть эмиграции. В испанской гражданской войне эти прогрессисты взяли сторону «республиканцев», т. е. красных, очутившись таким образом в одном лагере с большевиками. Многолетняя идеологическая долбежка прогрессивного сектора сбила немало белогвардейцев с национального пути. Но, к счастью, в армии ген. Франко был отряд из крепких белогвардейцев и русский трехцветный национальный флаг развивался на полях сражения испанской гражданской войны. Сегодня, когда пишутся эти строки, приходится горестно констатировать, что многие еще оставшиеся в живых военные эмигранты 20-х годов, потеряв возможность в чем-либо разбираться, поддерживают враждебную им прогрессивную печать на русском языке, забывшую тысячелетние истоки своей истории.

ТРЕТЬЯ

Всем памятно власовское движение во время последней мировой войны и русские рабочие в Германии. На этот раз формирования официально происходили на предмет уничтожения коммунизма в России под лозунгом «Долой советскую власть!» К самому концу войны сформированные две дивизии Русской Освободительной Армии немецким генеральным штабом, подчиненным партийному руководству, на антисоветский фронт никогда не были посланы. Несмотря на это, победившие прогрессивные демократии, воевавшие за Права Человека, захваченных ими солдат РОА и насильно вызванных «Остов» на работы в Германию, как скотину стали насильно выдавать на убой Сталину. Те, которым удалось спастись от выдачи пополнили белогвардейские ряды второй эмиграции, т. е. двадцатого года эвакуации. Разумеется, что какое-либо **соглашательство** власовцев с большевиками было абсолютно немыслимо.

ЧЕТВЕРТАЯ

Ошибочно она именуется третьей.

Это так называемые **диссиденты.** Если в России бомбометатели, а затем белогвардейцы и власовцы действовали под ударным лозунгом **«Долой»**, самодержавие или советская власть, то в четвертой «эмиграции», если только так можно ее назвать, — «долой» не было, в постовых милиционеров и генсека КПСС бомб не бросали и вооруженного сопротивления не оказывали. Этих диссидентов можно сравнить с партией КД царских времен, т. е. Конституционных Демократов, которые не намеревались уничтожить царский строй, но ратовали за его **эволюцию** в сторону конституционной монархии, когда царь царствовал бы, но не управлял, как это уже водилось в Западной Европе. Бомбометатели всех сортов называли это **соглашательством.** Диссиденты тоже не за свержение советской власти, и наподобие «Ка дет» тоже ратуют за **эволюцию** сов. власти в сторону **демократии**, что с точки зрения первой, второй и третьей эмиграции тоже называется **соглашательством.** Первая эмиграция **обливала помоями** историческую российскую государственность и, несомненно, достигала в этом больших пропагандных, а также и практических результатов: у мировой прогрессивной общественности российский императорский строй был и продолжает быть окончательно и бесповоротно объявленным как обскурантный, реакционный, тиранический и черносотенный. Неудивительно, что эта пропаганда принесла и чисто материальные результаты. Ленин и К-о прибыли в Россию в запломбированных вагонах и на немецкое золото стали разлагать Русскую Армию в 1917 году во время Февральского расцвета всех свобод...

История повторяется. Прогрессивные демократии, основательно ненавидящие Российскую Империю, и теперь оплачивают золотым дождем те **помои**, которые демократические диссиденты, как и первая эмиграция, продолжают лить на Историческую Российскую Государственность. Это вовсе не клевета и не дезинформация с нашей стороны, белогвардейцев. Стоит только не поленить-

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

такой национализм нам чужд

Серьезные сомнения вызывает статья Н. В. «Отрывки из дневника» в «Нашей Стране» от 27 сентября (перепечатанная из «Вече»). Она вся построена на принципе reductio ad absurdum. Помнится, такой прием высмеивал когда-то английский писатель и мыслитель Г. К. Честертон, писавший, примерно: «Человек говорит, что любит ванны из горячей воды, а ему отвечают, что мол, значит он должен купаться в кипятке; совсем не з н а ч и т»...

Критикуя идеи космополитизма и интернационализма, Н. В. заявляет, что, если уж упразднять барьеры между народами, то нужно снести все стены вообще, разрушить дома, упразднить семью и частную собственность; в результате чего жизнь станет нестерпимой. Но противники легко могут возразить, что если разделить нации китайскими стенами, то потом следует и семьи отгородить непроходимыми заборами друг от друга; а там — каждого отдельного человека посадить в одиночную камеру. Тоже привлекательного мало...

Беда, однако, не столько в общем отсутствии у автора логики, сколько в том, что его схема именно для нас, русских и антикоммунистов, совсем не подходит.

Великая Россия создалась как раз благодаря изначальной способности русских, — каковую, в частности, всегда подчеркивал И. Л. Солоневич, — ладить, уживаться и безболезненно смешиваться с самыми разными другими племенами: тюрками, финнами, монголами... На этой базе, на этом принципе неизменно строилась и держалась наша империя (в отличие, скажем от вовсе иной по духу британской); и если мы ему изменим, — она рассыплется.

Н. В. предлагает нам обособляться, отъединяться от инородцев. Законно и неизбежно они тогда отъединятся от нас и отпадут от нашего государства. Наоборот: они — такие же дети России, как и мы; нам надлежит, согласно заветам предков, не стеснять свободы развития их культуры и обычаев, смотреть на них как на своих и работать вместе с ними на сохранение и укрепление империи, нашего общего дома. Избегать общения с ними — столь же нелепо и неразумно, как и невозможно; бороться со смешанными браками — и бесчеловечно и бессмысленно.

Рассуждения Н. В. о смешанных браках абсолютно неверны. Соблюдайся извечно такие ограничения, у нас не было бы ни татарина Державина, ни арапа Пушкина, ни шотландца Лермонтова, — что бы осталось от нашей поэзии? Впрочем, в других странах вышло бы не лучше.

А в более широком смысле — как бы это мы стали «избегать общения»? В любом большом городе, на любой стройке, в поездах и самолетах, пересекающих просторы России, — везде у нас царит, и уже с весьма давних пор, «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний«.

Послушать Н. В. — придется устроить заново черту оседлости, причем не для одних евреев, а и для татар, для армян, для якутов. Что за дикий кошмар! Черта оседлости и для евреев-то отмирала; да и затянувшееся ее существование принесло куда больше вреда, чем пользы.

Похоже, что ратуя против космополитов, Н. В. имеет в первую голову в виду евреев. Но и тут от его внимания ускользает самое главное. Тот тип еврея, который везде народы не любят (и по вине которого отрицательно относятся порой и ко всем евреям), это — циничный космополит, с безразличием, а то и с неприязнью, относящийся к стране, где он живет и ищущий себе выгоды ей во вред. Но он есть продукт вековой жизни обособленной народности в чуждом и нередко враждебном ей мире. Вот и русская эмиграция, в силу ненормальных условий существования (хотя покамест еще куда более кратковременных!) уже породила такой же тип международного отверженца, спекулирующего на противоречиях и пороках окружающей среды, — по счастью, в виде редких единиц: В. Набоков, автор омерзительной «Лолиты», французский кинопостановщик Роже Вадим, — на деле Вадим Племянников, — мастер порнографического фильма. Данный тип человека порождается условиями — и исчезает с их изменением.

Открещиваясь от зоологического национализма, Н. В. в реальности в него то и впадает. А мы, антикоммунисты на Западе, именно о такой национализм постоянно бьемся лбом как о стену: как объяснить французам или англичанам, что сейчас нужна борьба не нации против нации, а идеи против идеи, а всех людей доброй воли против мирового коммунизма? Как им объяснить, что мы на деле их союзники, если они мыслят по канонам национальной ненависти и племенного эгоизма, и к нам относятся с тупой и презрительной злобой? Вот немцы себе на этом сломили шею... Так неужели нам надо подобный мертвящий, человекоубийственный и самоубийственный шовинизм поощрять и раздувать, — да еще и имитировать!

Слава Богу, нашему народу т а к о й национализм чужд. Русский патриотизм есть любовь к своему родному, никак не связанная с враждебностью к чужому, ничуть не исключающая понимания и сочувствия к другим национальностям мира. Сознание своих традиций и особенностей у нас не мешает, впрочем, чувству и м п е р с к о г о патриотизма, в котором веками объединялись, — будем надеяться, и дальше будут, — все народы России.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ИГОРЬ СИНЯВИН

ОТКРОВЕНИЕ КНЯЗЯ ЕВГЕНИЯ ТРУБЕЦКОГО

("ТРИ ОЧЕРКА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ")

В разгар революции, 1 марта 1917 года, князь Евгений Трубецкой, приехавший накануне из Москвы для участия в заседаниях Государственного совета в качестве выборного члена, пишет, обращаясь к близким, воспоминания детства, проведенного вместе с братом Сергеем в родовом имении Ахтырка близ Троице-Сергиевской лавры: «И вот теперь, в эпоху мучительных сомнений в России, это прошлое ... — источник веры в русскую душу, светлую, милую, любящую».[1]) Прислушиваясь к лаю пулеметов и крикам «ура», он мучительно хочет в детскую, где было столько любви и душевного тепла. Но «это не бегство от настоящего, а искание точки опоры для настоящего».[2])

В лице князя Евгения Трубецкого погибающая Россия причащалась святых тайн, из которых выросла. К этим тайнам — к сокровищам русского духа, предчувствуя опасность для родины и для всего мира, призывал обратиться Трубецкой в своих трех статьях-лекциях на общую тему о древнерусской иконописи, написанных в 1914-16 гг.

Сейчас, когда вновь встает вопрос о будущем России, о том — быть или не быть ей, а если быть, то какой? — следует прислушаться к тем, кто предсказывал с удивительной прозорливостью весь ужас, который претерпела и терпит Россия. Пророками, как мы ныне убедились, оказались не те, кто возвещал наступление уравнительного счастья на земле и во имя его разрушал Личность, Веру, Культуру, кто уничтожал ради власти своей миллионы, а те, кто измерял события масштабом религиозным, моральным, кто взирал на историю и человека духовными очами, кто опирался на дух православия. Провидеть будущее дано было не судившим и убивавшим, но любившим и претерпевшим. Перечитывая Бердяева, Ильина, Булгакова, братьев Трубецких и других русских философов, мы понимаем, что именно они обладали научной прозорливостью. И слово их, обладающее не только внутренним светом, но и проверенное историей, дает прочную опору для нашей нравственной жизни и ориентирует в поиске образа России будущей. Эта Россия выходит из подполья и ищет ориентиры, вокруг которых она могла бы консолидироваться. Сборник Трубецкого — неоценимое подспорье на пути создания обновленной России. Это эталон (до сих пор непревзойденный) адекватного раскрытия духовной сущности русской иконы и служит едва ли не единственным руководством для путешествия внутрь культуры XIV-XV веков.

Злу, хаосу противопоставляет Трубецкой красоту мира, преображенного через творчество верующей личности, раскрывая этот тезис на примере прошлого с самоочевидностью религиозного прозрения. Он указывает нам на прецедент в русской истории, когда духовно-эстетическое откровение преодолело внешнее зло и заложило основы великой культуры и государственности. В русских подвижниках и иконописцах XIV-XV веков он видит то начало, тот толчок, который собрал воедино разрушенную, раздробленную Русь в единую великую Россию.

Это был период освобождения от татаро монгольского ига. Русь пала пред восточными ордами потому, что не было в ней внутреннего единства. И только когда святые Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, митрополит Алексей и прочие подвижники собрали вокруг себя духовные силы нации и когда накопившийся духовный потенциал начал выражаться во вне в камне и красках — в храмовой архитектуре и иконах — тогда и был заложен прочный фундамент будущей России.

Но почему мировое зло прорвалось в 17-ом году в российскую брешь? Почему на Россию выпало это страшное испытание?

Константинополь провозгласил себя вторым Римом, но Римом уже не языческим, а духовным, несущим миру объединение через общую веру в Христа. После падения Константинополя Россия, принявшая на себя духовное наследие второго Рима, уверовала в свою историческую миссию. На российском царском гербе и знамёнах появляется Святой Георгий, поражающий дракона. Россия мыслит себя как силу, с благословения Господа расправляющуюся зверем, наступающим на христианский мир.

Но осознание духовной миссии извратилось. Русская поместная Церковь стала мыслиться вселенской Церковью, Творец вселенной стал представляться национальным русским Богом, на Россию стали смотреть как на единственного учителя и просвятителя вселенной. Эта гордость законсервировала и духовное, и культурное развитие.

Возгордившись своими внешними успехами, Россия начала утрачивать первоначальный духовный заряд. Образ России и для других народов и для тех русских, которые утратили Веру, все больше напоминает Рим времен первых царей и все меньше Константинополь, несший миру духовный свет.

И в июне 18-го года Трубецкому, несмотря на любовь к родине, приходится писать: «Россия ... стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре».[3]) Он решает, что трагедия произошла от отсутствия веры, от забвения тех заветов, которые нам завещаны предками. «Наш русский кровавый хаос представляет собой лишь обостренное проявление всемирной болезни, а потому олицетворяет опасность, нависшую над всеми ... Это проявление крайнего практического безбожия».[4])

Тот нерасчлененный патриотизм, который держался на — чужого можно убить, своего — нельзя, — этот патриотизм в первую мировую войну рухнул. Отсюда, по Трубецкому, обострился кризис морали и цинизм безверия стал заполнять общество. Чем и воспользовались большевики, соблазнив нацию обратить оружие с внешнего фронта на внутренний, обещая народу более надежное обогащение. Мораль войны начала определять все общественные отношения.

И новая татарщина, хуже прежней, обрушилась на Русь. Еще большей разрухе подверглась её культура, храмы, ещё больше закабалена личность и нация. Но ныне свободная творческая интеллигенция поднимает духовные знамена, не дает затоптать их окончательно. И новые подвижники, гибнущие, но не преклоняющие колени перед идолами, взывают к единству. Они творят лик будущей России, обращаясь к опыту Рублева, Даниила Черного, Дионисия — к тем глашатаям духовного облика родины, молитвой которых было творчество, орудием преобразования мира служила кисть. Иноческий подвиг древних иконописцев призывает рассматривать служение искусству прежде всего как духовное подвижничество.

В советской России зверь торжествует победу. И художникам там ещё тяжелее, чем было их собратиям во времена татарского нашествия. Но они, вместе с независимо творящими литераторами, поэтами, идут на любые лишения, но созидают культуру, которая развеет тьму над Россией и возродит её чистой и обновленной.

Существование свободного одухотворенного творчества в Советской России — в этом сегодняшнем воплощении ада — вселяет веру не только в русского человека, но и в человека вообще. Личность, отстоявшая свое достоинство в самом аду, убеждает нас, что «зверь не есть всё во всем мире, что над его царством есть иной закон жизни, который восторжествует».[5])

Русские художники обращаются к иконе и в обновленном виде продолжают традицию своих предшественников. И вновь искусство начинает играть ту роль, которую оно играло некогда — оно спасает душу человеческую. Сегодня, как и для России в XIV веке, стоит та же проблема — быть ли человечеству зверинцем или храмом? Это не может решаться на академическом, научном уровне, — но лишь включением всего существа человека, всего духа его в вечную для мира сего борьбу света и тьмы, Бога и дьявола.

Оказываясь в состоянии трагического перелома жизни, в пограничной ситуации, всякий человек, как некогда Трубецкой, взывает к Богу всем своим существом. Потому-то замечает Giuseppe Valentini в предисловии к итальянскому изданию сборника работ Евгения Трубецкого об иконописи замечает: ...«c'e piú che non una scienza, piu che non un'arte Letteraria; auzi piu che una poesia; non ci sembra illecito dire che c'é una grazia».[6])

В те времена, когда создавались эталоны православной иконы, творцы воочию видели первообразы, и живопись их была реализацией в красках мистического видения ходожника. Икона стала вершиной развития живописи. Ни до, ни после не имело изобразительное искусство того значения, которое оно обрело, реализовав себя как иконопись. Составляя неотрывной элемент единого комплекса: являясь частью иконостаса, а с ним частью храма и литургии, — икона стала средством проникновения верующего в Мир Высший.

Унаследовав и развив византийские формы, русская храмовая архитектура и иконопись дала Православной Церкви те богатства и ценность, которые и по сей день берегут и хранят Православие от разрушения, позволяя устоять, несмотря на внутренние расколы, несмотря на расхождение с изменяющимся миром. Даже поздние иконы — этот ухудшенный вариант древней иконы — и они, сохраняя в себе былой потенциал, наполняют и сегодня верующего восторгом. Икона — сильнейший аргумент Православия в споре с более современными формами христианского вероисповедания.

Когда грамотность была привилегией ограниченного круга, икона для большинства верующих была наглядным текстом Нового Завета. Она становилась оживотворенным явлением того, о чем говорила. Ещё и по сей день в православном храме можно оказаться свидетелем как перед верующим христианином в процессе мистического поклонения оживает изображение на иконе.

К иконе с изображением Христа подходит старушка и целует руку. Другая, согбенная, кающаяся в грехах своих, становится на колени — она недостойна подойти к руке — и припадает к ступне. Смотришь на отраженный свет от плоскости иконы и видишь, что больше всего слой краски изменился там, где рука. Но есть отметки и на Лике. Всматриваешься в изображение и уже не только понимаешь и чувствуешь, что молящиеся воспринимают Спасителя живым, но и сам видишь, как Он живой сидит в свете и благодати. И, пораженный, уходишь, благодарный народу, сохранившему веру, несмотря на измывание над его чувствами со стороны позитивистской науки и на гонения атеистической лжерелигии.

В первом своем докладе, посвященном русской иконе, Трубецкой решает моральную проблему борьбы со злом. Эта проблема весьма сложна и неоднозначна для христианина. Он помнит завет Христа: «Не противься злому». Но когда верующий видит, как зло покушается не только на его тело, но метит поработить душу, жаждет занять в ней место Бога, то непротивлению наступает предел. Трубецкой, отправляясь от духовного опыта подвижников и от иконы XIV-XV веков, призывает оказывать сопротивление организованному злу. Сопротивление возможно и должно, но только через веру, через молитву. И рукою праведника Бог поразит зло.

В царстве света нет зла, нет насилия, но в преддверии Царства Божия да не утвердит бес царство свое! Не напрасно заключительным аккордом в Новом Завете дано Откровение святого Иоанна. Непротивление — оказывается тактикой, которая отделяет овец от козлищ. Затем наступает суд Божий, и все злые оказываются поверженными.

В трудные времена для России задумывается Трубецкой над преодолением царства звериного. Ему кажется, что мировое зло воплотилось в Германии, с которой воюет Россия. В 1918 году, в работе «Смысл жизни»,[7]) ставшей его завещанием, он видит воплощение зверя в ином качестве и осознает проблему зла, охватившего человечество, гораздо глубже. Ему пришлось убедиться, что всеобщая война, обрушившаяся своим острием на Россию, уходит корнями в душу человека.

Евгений Трубецкой своими глазами увидел, что не немецкий солдат осквернил и разрушил святыни русские, а сам россиянин, утративший веру, прошел с молотом и с огнем по Руси.

Не немецкий солдат уничтожил храм Спасителя в Москве и другие церкви. Не немецкий солдат устраивал костры из религиозной литературы, не он организовывал колхозные соревнования кто больше икон уничтожит, не он присуждал премии тому селу, которое хоть и восемь тысяч икон погубило, уступив соседям по численности, но зато побило не количеством, а качеством, употребив иконы на лопаты для дерьма. Не немецкий солдат продолжает все это, не останавливаясь, уничтожать и по сей день.

Трубецкой решал моральную проблему борьбы со злом применительно к начавшейся войне с Германией. Но не будет прегрешением против духа Трубецкого перенести его подход на борьбу с сегодняшним воплощением царства Зверя.

Пророчески звучат слова Трубецкого: «Отсутствие сопротивления будет источником великого соблазна для народов!»[8]) И, перешагивая время, он комментирует политику разрядки: «Комфорт родит предателей, толкая их на сделки с сатаной из-за выгод».[9]) Трубецкой призывает каждого из нас выполнить религиозный долг — ответить на организованное зло организованным сопротивлением с верою в окончательную победу.

Можно не соглашаться с каждой буквой истолкования древнерусской иконописи, даваемого Трубецким. Но что должны мы безоговорочно принять и в чем его несомненная заслуга как первооткрывателя — основную мысль работ, посвященных древней иконе: икона неисчерпаема в своей глубине, она несет всему миру Слово, к которому нужно прислушаться.

Сборник Трубецкого об иконе — не просто исследование научное, но нечто большее — это откровение, данное человеку, обладающему чистотой сердца. Так же как некогда высшие образцы иконописи выходили из-под кисти духовных подвижников, так и передать смысл откровения было дано человеку, обладающему ясностью духа и жертвенным благородством. И убеждаясь в неисчерпаемости темы, мы можем пойти дальше Трубецкого, если только будем обладать не меньшей широтой души и добротой.

Обращение к иконе позволяет Трубецкому поставить проблему смысла жизни. Недаром в авторизованном издании первая работа «Умозрение в красках» имеет подзаголовок, к сожалению утраченный в последующих переизданиях: «Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи». Икона позволяет поставить извечный вопрос потому, что она соразмерна ему.

Смысл жизни Трубецкой видит в превращении вселенной в храм Божий. И роль искусства и творчества в достиже-

---

[1]) **Кн. Евгений Трубецкой. «Из прошлого». М-ва, 1918, Предисловие.**

[2]) **Там же.**

[3]) **Евг. Трубецкой «Смысл жизни». Москва, 1918.**

[4]) **Евг. Трубецкой «Смысл жизни». Берлин, 1922, стр. 248.**

[5]) **Кн. Евгений Трубецкой «Три очерка о русской иконе». Имка-Пресс, 1965, стр. 51.**

[6]) **«Studio sulle Icone» Trubetkoi Evg.**

[7]) **Евг. Трубецкой. «Смысл жизни». Москва. 1918.**

[8]) **Кн. Евгений Трубецкой «Три очерка о русской иконе». Имка Пресс, 1965, стр. 56**

[9]) **Там же стр. 110.**

ся познакомиться с литературой и интервью диссидентов, которые они дают иностранным общественным деятелям и журналистам. Нам уже приходилось на страницах «белогвардейской» печати цитировать шедевры такой политической «идеологии» диссидентов. Что ими написано пером, не вырубишь топором. Совершенно естественно, что все эти клеветники России приняты в широко раскрытые объятия прогрессивного сектора второй эмиграции, о котором мы упоминали выше.

Особенно следует не забывать, что пассажиры запломбированных вагонов пошли на похабный Брест-Литовский мир, раздробив им Россию. Диссиденты не постеснялись расписаться в своем намерении освободить «народы России» от великоросского рабства, и раздробив ее, свести к границам Московии времен Ивана Грозного. Все это старо, как и сама Россия. Последним расчленителем был Гитлер. Такое **пораженчество** на руку иностранным ненавистникам России и доходно для демократических диссидентов. Но плата за **помои и пораженчество** — 30 сребреников.

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

К 80-ЛЕТИЮ С. В. ГРОТОВА

ПОЧТОГРАММА СЕРГЕЮ ВИКТОРОВИЧУ ГРОТОВУ

Сердечно поздравляю Вас с наступающим знаменательным днем Вашего восьмидесятилетия. Желаю Вам еще много лет счастья и здоровья и я уверен, что Вы будете на благо дела нашего продолжать Вашу успешную и плодородную работу по ознакомлению общественности с задачами, стоящими перед всеми соотечественниками нашими, стремящимися к освобождению нашей родины и ее возвращению на ее исконный исторический путь.

Париж, 20 сентября 1977 г.

ВЛАДИМИР

Одновременно выдана грамота № 110 о награждении Гротова Сергея Викторовича Знаком с вензелевым изображением Имени Его Императорского Высочества 1-ой степени «за непреклонную верность и многолетние труды на пользу дела законной монархии».

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА

Глубокоуважаемый Сергей Викторович!

Мне сообщили, что 7/20 октября Вам исполняется 80 лет. Такое долголетие с сохранением работоспособности есть само по себе проявление Божией Милости и потому дает нам основание Вас приветствовать.

Вы провели жизнь, посвященную служению высоким идеалам и в этой связи мне хочется отметить Ваши усердные труды для пользы Церкви, выражающиеся в Ваших статьях и распространении достоверных сведений о положении Церкви в Советском Союзе. Но наравне с такими трудами, как участие в представительстве нашей Церкви на II Ватиканском Соборе, мне хочется отметить труды, по внешности более скромные, но не менее того свидетельствующие о Вашей любви к Церкви. Я имею ввиду Ваше постоянное участие в богослужебной жизни нашего римского прихода в самых скромных формах, которое по высокому уровню Вашего образования и положения в обществе делает его особенно ценным в наших глазах.

Приветствуя Вас, я желаю Вам еще много лет плодотворной жизни и призываю на Вас Божие благословение.

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

---

† **Во вторую годовщину кончины**

ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА ЮРГЕНС

в среду 7-го декабря с. г. в церкви Св. Духа (Avellaneda 3255, Olivos) в 20 часов будет отслужена панихида,

о чем извещает вдова и семья покойного.

нии этой цели глобальна. Анархии, хаосу — этим причинам тоталитарной, деспотической власти — Трубецкой противопоставляет организованный космос, как проекцию внутреннего творческого созидательного начала.

Трубецкой придерживается схемы Владимира Соловьева, согласно которой искусство и религия были некогда слиты, затем они разошлись, а в будущем должны составить синтез. Трубецкой видит этот синтез осуществленным в древнерусской живописи. Он идет дальше теории, согласно которой творения искусства есть отражение вечного идеального мира. Идеальный мир продолжает осуществляться в творчестве и через творчество. Долг человека творящего, долг искусства — теургическое преображение вселенной, которая должна стать единым божественным организмом.

Эта задача искусства была сформулирована русской творческой интеллигенцией накануне революции. Так, например, Скрябин видел задачу композитора в исполнении симфонии, преобразующей мир в Царство Красоты, сводящей Царство Небесное на землю. Но развитие русского искусства в этом направлении было насильственно прервано большевицким переворотом.

В красоте реализуется смысл жизни. И тот народ, который с этим смыслом свяжет свою судьбу, не погибнет — утверждает Трубецкой. Противопоставляя царству зверя идеал космоса, собранного в единый Храм, человечество спасется от тяжкого плена.

Если зло, хаос преодолевается через религиозное творчество, то, значит, и наступление зла происходит прежде всего от иссякания этого начала. Не потому ли Россия не выдержала, что произошло искусственное заглушение вечно обновляющегося творческого начала? Быть может, удивленный и пораженный образцами Рублева и Дионисия, человек остановил свой собственный поиск, а древние образцы тем временем покрывались копотью и теряли свою живую непосредственность и оттого переставали быть орудием против наступающего зла? Как иначе понимать уничтожение икон «франского письма» в 1655 году в Успенском соборе в Москве?

Мы должны учесть этот горький урок истории. И когда смотрим на чудо — на древнерусскую икону — мы не столько должны восторгаться и поклоняться, сколько прежде всего видеть призыв продолжать дело тех подвижников и творцов, из под руки которых вышли эти красота и чудо. Икона — не столько сокровище, сколько знамя, зовущее нас на подвиг.

Современное искусство, как и храмовое средневековое искусство, должно осознать своё предназначение и сущность. Сегодня с одной стороны демагогическая идеология, с другой — рынок, пытаются подчинить себе искусство. И лишь небольшое пространство в этом безбрежном мраке остается искусству, не утратившему своей чистоты и предназначения.

Не только соцреализм — эта пропаганда средствами искусства, но и современное западное искусство в целом далеко от того глубинного смысла и от той значимости, которые несла икона. Икона — это пленка, окно, через которые душа прорывалась в Мир чистых духовных сущностей, соприкасалась Тайн Божиих. Икона была святыней, связывающей верующих в единое мистическое тело. И сегодняшнему художнику, если он не намерен играть роль шута, а выполнять свое предназначение в этом мире, следует внимательно присмотреться к заветам своих предшественников. Для этого ему не нужно отказываться от достижений современного искусства в области формальных разработок, новейших концепций и переходить к переписыванию или стилизации древней иконописи, её стиля и сюжетов. Религиозная живопись не ограничена столь узкими границами и она не прекратилась с ранним средневековьем. Но лишь соизмеряя свой труд с великими образцами предшественников можно добраться до вершины.

Евгений Трубецкой, увидев впервые расчищенные от копоти и окиси древние иконы, был охвачен восторгом. Его поражает ясность и чистота колорита древней живописи, которую все привыкли сквозь вуаль, наброшенную временем, воспринимать уплотненной и тяжелой. Трубецкой дает объяснение необычной сочности и яркости древнерусской иконописи: это отражение того света, который внесен Христом в наш мир и который осознавали и воспринимали своим просветленным духом монахи-живописцы. Это реализация фаворского света, излучающегося из Христа и разгоняющего тьму и мрак дьявола.

Интересно сравнить икону с пародией на неё — с живописью соцреализма, пытающегося выполнять ту же роль, которую некогда играло храмовое изобразительное искусство. Сравним колорит древней и колорит пропагандистско-плакатной живописи во время её высшего расцвета — при Сталине. Классическая соцреалистическая живопись превратилась в мертвопись, утратив всякое понятие о чистоте цвета, став неразличимым грязно коричневым пятном.

В царстве закабаляющего коллективизма всяческой неповторимой индивидуальности нет места, все светлое притушается, все необычное, чудесное уничтожается. Остается серая посредственность да злоба и разрушение, направленные на созидающее духовное начало.

Против этого-то мира зла и воевали древние живописцы, разгоняя тьму светом, зло — добром.

Трубецкой вошел и вжился в неповторимый мир иконы и потому смог приподнять занавес над утраченной тайной её цветовой символики. Он дает нам основное объяснение: цветовая символика строилась на теологической основе. И эта основа не убивала цвет, не совершала насилие над колоритом, но задавала им глубину изобразительную и смысловую.

После чтения Трубецкого мы понимаем, насколько сравнительно с миром цветовидения художника средневековья скучны и пусты все современные «научные» теории цвета, утверждающие, что, якобы, красный цвет задает ощущение теплого, синий — холодного. Мы видим, как небо над Георгием Победоносцем звучит не экстравагантным экспрессионистическим искажением реальности, но верим в реальность его багрового цвета, создающего утверждающий фон подвигу рыцаря Того, кто «не мир принес, но меч». Мы видим пятно коня, контрастирующего с красным небом, и понимаем значение белого цвета здесь, как символа безгрешности.

Открытие древнерусской иконы началось за 10-15 лет до издания первой лекции Трубецкого. Лишь в 1904 году была расчищена икона Рублева «Троица». Этот короткий промежуток времени был чрезвычайно плодотворным в деле изучения и осмысления сущности иконописи. Но наступает октябрь 17-го года.

Советские постановления об охране памятников, оберегая отдельные древние памятники и предметы старины для торговли и отчета перед Западом, основную их часть отдали на поругание и разрушение воинствующему атеизму и «культурной» революции. Ленин лицемерно афиширует свои заботы об охране храмов и одновременно рассылает тайные инструкции об уничтожении Церкви — хранительницы этих храмов.

Пока небольшая кучка энтузиастов заседает в Москве, решая какие храмы и иконы уберечь от разбушевавшейся стихии и занести их в список, на необозримых просторах России бесчинствует шабаш оплаченных полуграмотных партийных пропагандистов, внушающих населению, что «религия — это сивуха для народа». И пьяные фанатики с кровавыми знаменами и пением интернационала секли под корень веками накопленные культурные сокровища. И самому Грабарю приходится признать, что «памятники больше разрушаются, нежели охраняются».[10])

Икону нельзя рассматривать вне того места, которое она занимает в иконостасе, в храме. Вытянутые или изогнутые фигуры находят свое объяснение в зависимости от архитектурных линий храма. Икона — не художественный предмет, созерцая который мы испытываем наслаждение. Она требует молитвы — только тогда откроются нам её глубины. И потому конфискация икон из православных храмов есть не только издевательство над чувствами верующего и грабеж храма, разрушение его как единого целого, но одновременно есть насилие над самой иконой, попытка убить религиозную её сущность, стремление низвести её до светской салонной живописи. Икона, вырванная из естественного и необходимого обрамления, которое настраивает взгляд на правильное восприятие — это глаз, вырванный из глазницы.

В советской России работает целый штат искусствоведов, которым, якобы, платят за разработку научных основ реставрации, за изучение памятников старины, но по сути дела с них требуется расправа с духом религиозной культуры, в том числе с иконой. Они объясняют теологическую основу иконы случайной, несущественной. Вынужденные признать её эстетическую ценность — они отрицают и извращают её духовную сущность. Не желая замечать верблюда — сцеживают комара. Они со всею тщательностью исследуют языческие, народные элементы в иконе, состав красок, размеры и т. д. Всё это было бы ценно, если бы не преследовало одну единственную цель — затушевать тот фундаментальный факт, что икона — составная часть христианского храма, что это прежде всего предмет религиозного поклонения, что это теология, явленная в красках и формах. На этом пути советские исследователи «древнерусской живописи» (как они чаще всего именуют икону XIV-XV веков, поскольку им легче расправиться с нею, подойдя к анализу этого явления в плане исторического становления живописных стилей)... на этом пути они совершают явные подлоги. Например, утверждают, что Отцы Церкви, якобы, считали, что если икона освящена, то независимо от своих художественных достоинств, она заслуживает почитания. Но икона освящалась только в том случае, если отвечала четырем параметрам: когда она соответствовала первообразам, т. е. если верно изображала Христа. Когда отвечала установлениям Святых Отцов Церкви и являлась продолжением иконописной традиции. И, наконец, когда обладала художественным достоинством.

Советские «ценители» древнего искусства, подобно своим вождям, навязывающимся в учителя всему миру на все времена, приписывают себе монопольное право на понимание красоты. В явный абсурд партийные искусствоведы впадают потому, что Отцов и хранителей Церкви христианской они рассматривают по аналогии с сегодняшними кремлевскими боссами, которые, не понимая ничего, даже в своей вотчине — в соцреализме — тем не менее указывают художникам, что и как им живописать, как писателям сочинять, музыкантам — играть.

Отказ советских исследователей от признания, что основной иконописи являлась религия, которой жил и которой служил всем своим существом иконописец, приводит к непониманию и искажению самоочевидных вещей. Так св. Георгий Победоносец превращается в страстного вояку, слепого напора которого ничто не может удержать. Они видят копье в мощной руке и прочие благоглупости, но не замечают изображения благословляющей Руки Божьей. Отсюда они не понимают и всего смысла изображения. Не понимают или не хотят понимать, что не по своей страсти и жажде войны и крови берет в руки оружие воин Христа, но с молитвой и верой, получив благословение свыше. И не он как бы поражает дракона, но копье, направляемое Силой Божьей.

Наиболее ретивые из этих официальных искусствоведов, взявших на откуп расправу с иконой, объявляют при анализе иконописи «рассуждения общеморального характера избитой риторикой и стереотипной патетикой, которые должны быть отброшены, как груды византийского шаблона».[11])

Но освобожденные от «шаблона» и «балласта», они почему-то никак не могут пройти мимо небольших книжечек князя Евгения Трубецкого, насыщенных этим «шаблоном». Они полемизируют между строк с Трубецким, повторяют его идеи, его проблематику, но не упоминают его даже в списке использованной литературы.

Октябрь 17-го года обрушился не только на памятники культуры, несущие миру христианский дух, трансформированный русской нацией. Уничтожалась не только литература, архитектура, иконы. Но и исследование иконописи, интенсив-

---

[10]) **Игорь Грабарь. «О древнерусском искусстве». М. 1966 г. стр. 381.**

[11]) **Кирилл Туровский. Сборник «Андрей Рублев и его эпоха» М. 1971 г.**

БЫЛЬ И СУТЬ

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ МЕТАМОРФОЗА ПЕРЕД ЛИЦОМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В связи с очередной годовщиной Октябрьской революции, русская политическая эмиграция снова отмечает свою принципиальную непримиримость по отношению ко всему тому что эта революция означает. Дело в том, что поскольку наша эмиграция вообще хочет продолжать быть политической, она должна оставаться **непримиримой в принципиальных вопросах** связанных с ее пребыванием вне родины.

В течение первых сорока лет своего существования, русская политическая эмиграция, в своем основном ядре, стояла довольно крепко на этой почве непримиримости по отношению к пленившему нашу страну марксизму. Расхождения были главным образом связаны с оценкой причин происшедшего и возможностей его преодоления. Изолированные попытки примиренчества, как например в случае младороссов, довольно быстро сводились на-нет общественным мнением нашей эмиграции.

Первой глубокой трещиной на идейном фронте непримиримости русской политической эмиграции был так называемый «Гаагский конгресс», организованный двадцать лет тому назад кругами НТС, (при иностранной помощи) вскоре после раскола в этой организации. Историческое значение этого конгресса в том, что это было первое организованное и органическое проявление в эмиграции идейного пораженчества по отношению к идеологии закабалившей нашу страну. Хотя тогда и было много протестов в эмиграции против самого духа этого конгресса, протестов исходивших в том числе и от отколовшейся от НТС группы его основателей (включая его председателя с первых дней, В. М. Байдалакова), все-же эмиграция полностью не осознала исторического значения этого события, начиная с которого идейное пораженчество как-бы юридически оформилось и получило право гражданства в ее среде.

Это идейное пораженчество легко продемонстрировать по отношению к такому важному для России вопросу как крестьянский вопрос.

В Издательстве Посев, под редакцией Р. Н. Редлиха, в 1952 году вышел в свет восьмой «Очерк большевизмоведения», а в 1953 году — девятый «Очерк». Вот что там говорилось о крестьянском вопросе:

«Крестьянская масса, конечно, не в силах формулировать свою политическую программу, но хочет она **коренной перестройки: ликвидации колхозного строя** и введения частной собственности». («Очерк 8», стр. 154).

«Реальная природа колхоза такова, что она всегда будет вызывать возмущение крестьянства. Крестьянство никогда... не забудет экспроприации своей земли и лишения прочих средств производства». «Не только деревенское, но и городское население СССР относится к коллективизации с глубоким осуждением и **роспуск колхозов рассматривается как основной пункт** всякой антибольшевистской программы». Деревенская молодежь «не любит колхоза и горячо желает уйти из него, продолжая в этом отношении традицию отцов». («Очерк 8», стр. 138, подчеркнуто нами).

«Если режим господствующий в СССР, не может быть охарактеризован иначе, как террористический, то в колхозе он должен быть назван террором в квадрате». («Очерк 9, стр. 139).

А в 1977 году, в июньском номере Посева, тот-же Р. Н. Редлих в статье «Выход из западни» пишет:

«Положение в советском сельском хозяйстве вовсе не безнадежный тупик. Перестроить его легко, и его социалистическая форма — колхоз — может остаться какое-то время в привилегированном положении уже по одному тому, что **согласно статье 8 ой Конституции**, земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть **навечно**..... Перестройка сельского хозяйства ... должна была бы начаться с возвращения свободы крестьянству, с утверждения **законных прав** сельскохозяйственной общины как хозяина **конституционно** закрепленной за ней земли». (Посев, 1977 г., № 6, стр. 57, подчеркнуто нами).

Таким образом, «борьба за права» включает в себя и борьбу за «законные права» закрепленные «навечно» сталинской конституцией (только с большой буквы). Наверное, эта «навечность» переносится и на новую брежневскую конституцию.

Г. ИВАНОВ

Требуется студент или студентка для весьма несложной канцелярской работы.
Предоставляется возможность учения своих предметов в рабочие часы.
Обращаться в Редакцию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ДЖ. КАРТЕР

Нам пишут из Сан Франциско:

В Лос Анжелос состоялся банкет демократической партии, к которой принадлежит президент Соединенных Штатов Джими Картер. В своей речи, сказанной на этом банкете, он сказал, что предпочитает совершить самоубийство, чем причинить малейший ущерб Израилю в связи с положением на Среднем Востоке. Это необыкновенное заявление вызвало смущение части участников банкета и бурные аплодисменты остальных, преимущественно евреев.

В. ТУРЧИН

Нам пишут из Вашингтона:

По полученным здесь сведениям ученый математик Валентин Турчин, возглавлявший в Москве группу диссидентов, называвших себя советской секцией международной организации «Интернациональная амнистия», только что награжденной Нобелевской премией мира, прелетел из Москвы в Рим со своей женой Татьяной и сыновями Петром и Димитрием . В московском аэропорту его провожало около ста единомышленников во главе с А. Д. Сахаровым.

Хотя Турчин — не еврей, он получил советскую выездную визу, дающую ему право эмигрировать в Израиль, но намерен поселиться в Нью Иорке, где Колумбийской университет предложил ему кафедру математики.

БЕСПЛАТНО ПРЕДЛАГАЕТСЯ
отдельная комната с уборной одинокому или одинокой русской.
Район — Темперлей.
Обращаться по телефону 290-2802 или в Редакцию «Нашей Страны».

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Телефон Редакции: 52-7426.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

ФОНД ИЗДАНИЯ ВЛЕСОВОЙ КНИГИ

В фонд издания труда П. Е. Соколова «Симфония Руси», содержащего текст дохристианского исторического документа — Влесовой Книги — поступили следующие суммы:

Получено через душеприказчика П. Е. Соколова А. Леонова выделенные из наследства покойного 200 австралийских долларов.

А. Леонов — 20 австр. долл..

Сбор взносов продолжается.

группа любителей

20 ноября 1977 г. в 17 часов
переводная комедия в 3-х актах

„Дорогой папа“

в малом зале Casal de Cataluña, Chacabuco 863.

Билеты заказывать по тел. 772-6848

Участвуют в порядке появления:

Иван Беликов, Степан Пасик, Леонид Новосильцов, Елена Преображенская, Михаил Чурилов, Людмила Брянская, Анатолий Перепелицын, Николай Андрушкевич.

Суфлер: Людмила Преображенская.

Цена билетов: 1500, 1000 и 700 пэсо.

но начавшееся за 10-15 лет до того, было остановлено.

Хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать работы, в которых была раскрыта духовная сущность русской иконы. Все последующие исследования удивительного феномена написаны советскими авторами с позиций антирелизиозных, в лучшем случае с позиций внерелигиозных. А потому вся эта литература извращает существо древней живописи или не проникает за внешнюю её поверхность.

Но как ни стараются переписать историю по меркам своей идеологии коммунисты, как ни пытаются выскрести они имя Бога из всех учебников, из всей литературы, как ни пытаются набросить новую вуаль на те памятники, которые ещё не удалось разрушить — рано или поздно всё встанет на свои места. Рухнут все их усилия. Только в справочниках останутся миллионные издания огромной пропагандистской литературы, бесчисленные портреты уничтожающих друг друга вождей. Но те зерна, что лежат до времени под слоем пепла, дадут всходы. Весь дикий мир уродливых ихтиазавров исчезнет, оставив о себе лишь горькую память. И не по Алпатову, Грабарю и прочим будут судить о русской иконе, а по князю Евгению Трубецкому, по отцу Павлу Флоренскому. И их труды будут сиять ещё ярче.

Сегодня работы Трубецкого — запрещенная литература в Советском Союзе, но их перепечатывают на пишущих машинках, бережно пранят и передают из рук в руки. Потому-то советскому искусствоведу Алпатову и приходится почти дословно цитировать Трубецкого и вздыхать: «Современный человек легко готов поверить, что иконопись — это богословие в красках».[12]) Но не современного человека надо жалеть, а ослепших от демагогии и пропаганды советских, так называемых, докторов наук, которые не хотят видеть самоочевидных вещей, лежащих даже для ребенка на поверхности.

Немногочисленны исследования русской иконописи, адекватно отражающие духовную сущность этого удивительного явления. Монополией на эту тему завладели атеисты, антихристиане и потому каждое новое издание основополагающих работ, находящихся в русле православной русской традиции, следует рассматривать как событие чрезвычайно важное.

Знакомясь с работами Трубецкого, читатель поймет, что Россия богата не только художественной литературой 19-го начала 20 го в.в., что не единожды только внесла она свою долю в мировую культуру. Пять столетий тому назад древнерусская иконопись явилась не меньшим вкладом в общечеловеческую сокровищницу.

Некоторые западные исследователи ставят под сомнение этот факт, считая русскую икону XIV-XV веков лишь периферийным ответвлением византийской культуры, византийской иконы. И они приписывают Трубецкому общую ошибку, якобы, свойственную славянофилам, не замечающим зависимости древнерусской иконописи от Визатии.

---

12) **Алпатов. «Древнерусская иконопись». 1974, стр. 36.**

Но если славянофилы, действительно, уделяли основное внимание раскрытию сущности и своеобразия своей собственной культуры и меньше зависимости её от западной, то их критики страдают противоположной ошибкой — они не видят того, что собственно дала Россия миру. А без вскрытия структуры и сущности явления, о какой генетической зависимости можно говорить?

Трубецкой указывает, что главное отличие древнерусской иконописи от византийской лежит в плоскости духовного содержания. Если византийская икона дает нам надчеловеческий универсальный дух, то древнерусская иконопись поднимает национальное до уровня вселенского духа.

Князь Евгений Трубецкой раскрывает перед читателем сущность русской души, русской культуры, а вместе с этим и духовную миссию России. После знакомства с творчеством Трубецкого уже нельзя сказать, что дореволюционная Россия — это тоталитарная империя, несшая всему миру опасность порабощения. Это огромное государственное образование имело свою святыню, свой дух, который скреплял необозримые просторы империи, освобождал и просветлял личность. Творчество Трубецкого становится духовным оправданием России.

Сейчас над Россией тьма. Оседлало её чужеродное учение. Потеряла Россия имя свое, разрушены святыни народные, строится на теле России царство зверя, который старается до тла сжечь остатки Духа и Веры.

Сохранилась ли вера в народе русском, не исчез ли дух свободы и творчества в представителях нации — в интеллигенции? Если этому конец — то Россия погибла в 17 году. Но если сегодняшняя русская личность хранит и развивает традицию, доставшуюся от св. Сергия Радонежского и Андрея Рублева, то она все преодолеет. А вместе с нею и Россия сбросит с себя зверя, очистится от ошибок прошлого.

Сатана должен быть посажен на цепь — завещает нам Трубецкой. И он же оказывает неоценимую помощь на этом пути, наделяя нас руководством для проникновения в мистический смысл древнерусской иконы.

Трубецкой наиболее полно выразил духовно-философскую сущность русской иконы, потому что с детства органично был слит со всем лучшим, что было в русской культуре, в русской природе, в русском народе. Князь Евгений Трубецкой — это явленная нам во плоти русская душа.

Знакомясь с личностью Трубецкого, его судьбой, его трудами, мы ощущаем, как велика наша трагедия — трагедия русского человека. Погублена великая культура, уничтожены светлые носители её, оборвана живая преемственность. Сможем ли мы восстановить связь времен, сможем ли взрастить в наших душах доброту, любвеобилие, культуру наших предков? Если не желает распасться русская нация — её сыны должны будут осуществить это чудо.

Как ни велики потери, как ни страшны опустошения — оно свершится, ибо внутри русской души не погибла вера в добро, в победу правды, в свою миссию.

ИГОРЬ СИНЯВИН